

Она глубоко вздохнула, прежде чем встать, и ее шаги были медленными и совсем не такими уверенными, какими она пыталась их представить. Она остановилась перед ним, и Робб впервые заметил, что она довольно высокая для женщины. Он едва наклонил шею, чтобы встретиться с ее глазами, и они искали в нем ответы, которых у него не было, указания, которые он не мог дать.

Сначала он не был уверен, стоит ли прикасаться к ней, но когда почувствовал ее дыхание рядом со своим, не смог удержаться. Она лишь слегка вздрогнула, когда его рука коснулась ее руки, ее кожа была теплой от его ладоней под тонким шелковым саваном, который она носила. Она не отстранилась от него и никак не показала, что хочет, чтобы он отпустил ее.

На этот раз он не стал притворяться, что не замечает ее тела, глядя на нее сверху вниз и отмечая, как ткань ниспадает на каждый ее изгиб. Когда он впервые увидел ее, то, к своему удивлению, решил, что она довольно симпатичная женщина. Но чем больше он смотрел на нее, наблюдал за ее движениями, тем больше убеждался, что она не просто красива, а красива так, что он не мог этого объяснить. Он не просто чувствовал себя обязанным прикоснуться к ней, он хотел этого. Он хотел ощущать ее кожу под своими пальцами и наблюдать, как по ней бегут мурашки. Он хотел знать, как ее тело отреагирует на его прикосновения. Узнать ее.

Но он также не хотел пугать ее и поэтому не позволил своему взгляду задержаться на ней слишком долго, прежде чем повел ее к кровати. Он чувствовал себя дешевкой, ведя ее к тому месту, где он возьмет то, что должно принадлежать ей, чтобы отдать по ее желанию. Но она не сопротивлялась и первой села на кровать, глядя на него в предвкушении и нетерпении.

Он почти смеялся над своей нетерпеливой женой, которая хотела отложить их постель и теперь желала покончить с этим как можно скорее. Он задавался вопросом, всегда ли она будет такой - непостоянной женой с ее переменчивым умом. Но он не был уверен, что будет возражать, если так и случится. Его забавные мысли были прерваны, когда она расстегнула завязки на верхней части ночной рубашки, и он положил свою руку поверх ее, удерживая ее на месте, пока платье не упало с ее плеч.

"Ты не обязана", - прошептал он успокаивающим, как он надеялся, голосом. "Если вы хотите, чтобы оно оставалось на вас".

Она, казалось, была удивлена этим, как будто это было новое откровение, о котором она раньше не задумывалась. Поэтому, когда он убрал руку, она взяла платье за завязки и свободно завязала их обратно. У него не было времени на то, чтобы почувствовать разочарование. Она была права, что проявляла нетерпение. Они оба устали, вспомнил он, и, возможно, единственный способ пережить это - позволить всему закончиться как можно быстрее.

Ему не нужно было говорить ей, чтобы она легла, когда он начал стягивать с себя бриджи, и она отвела глаза, когда его туника последовала за льняными брюками на пол. мех уже был откинут, и под ней лежала простая белая льняная простыня, а под ореолом темных волос - одна простая подушка. Оба они, вероятно, привыкли к лучшим условиям. Дома его кровать не скрипела и не казалась хрупкой под его весом.

Но эта кровать была предназначена не для сна. Она предназначалась для их консумации. Консумация между королевскими особами на соломенной кровати с грязными льняными простынями и одной подушкой. В ожидании его она неловко пошевелилась, и он задумался, что тому виной - нервы или кровать.

Когда с него полностью сняли одежду, Робб понял, что никогда не был обнажен перед женщиной. Ему хотелось, чтобы она посмотрела на него, хотя бы для того, чтобы уверить его в том, что его вид не вызывает у нее недовольства. Но даже когда она посмотрела на него, когда он переполз через нее, она не встретила с ним взглядом. Вместо этого ее взгляд остановился на его груди, в частности на шрамах, которые он недавно получил в бою.

Она приподнялась на локтях, изучая их, сосредоточенно нахмутив брови и опустив рот в хмурую гримасу, которая слишком напоминала ему отца. Он с любопытством наблюдал, как она медленно поднимает руку, словно желая дотронуться до него. Робб не шевелился, положив руки по обе стороны от нее, и ждал. Но ее пальцы замерли в нескольких дюймах от его кожи, а затем отпрянули, скрючившись, когда она потянула их обратно к себе.

Он и не заметил, как затаил дыхание.

"Ты действительно воин, не так ли, муж?" - прошептала она едва слышно, но он почувствовал, как желудок подпрыгнул от ее слов, как в ее голосе прозвучало благоговение, когда она рассматривала его.

Он не знал, что побудило его наклониться к ней и накрыть ее губы своими, но что-то было в ее глазах и усталости, звучавшей в ее некогда суровом голосе, что заставило его погрузиться в туман. Вот оно, сказал он себе, и почувствовал, как ее тело напряглось под ним от их прикосновения. Это было смело с его стороны, и он знал это, даже когда позволил своим губам продолжить движение по ее губам, позволяя пальцам касаться кожи ее плеча.

Их поцелуй закончился, когда он отстранился и увидел в ее глазах лишь замешательство. Ему хотелось, чтобы это была любовь, тогда им обоим было бы легче. Он хотел бы любить ее, хотел бы чувствовать к ней что-то, кроме жалости к этой женщине под ним. Горловина ее платья, свисавшая через одно плечо, была слегка отодвинута вниз, так что он мог видеть верхний изгиб ее груди. Он смотрел, как вздымается и опускается ее грудь, как она безуспешно пытается сдержать дыхание, и взял ее лицо в свои руки.